

СМЕРТЬ, НЕСУЩАЯ СВЕТ

А. КУЗНЕЦОВ

А. Кузнецов

Смерть, несущая свет

<https://litres.ru/74470424>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максиму, страдающему от неизлечимого заболевания, настолько привычно быть одиноким, что он даже не думал о друзьях..Однако друг сама его нашла. Но что-то с ней не так...

Содержание

Глава 1. Максим	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

А. Кузнецов

Смерть, несущая свет

Глава 1. Максим

Чайник засвистел от негодования, в нем накопилось столько энергии, что держаться уже не было сил. Пронзительный крик его носика долго оставался без внимания, пока, наконец, ленивый шелест мягких тапочек по полу не возвестил продолжающего надрываться чайника о том, что его мольбы услышаны.

Сняв свисток с носика, из которого тут же повалил пар облегчения и выключив газ, Максим посмотрел в окно. Там царил октябрь и дождь, барабания по отливу, отстукивал ему предостережение от похода на улицу.

И сначала хмурое, заспанное лицо Максима внезапно осветилось улыбкой, растянув почти до предела тонкие, бледные губы. У него начался отпуск. И он мог позволить себе стоять у медленно остывающего чайника, сколько ему вздумается, и никто не мог ему помешать.

Но помешал собственный живот, угрожающе заурчав, и Максим потянулся к младшему брату стоявшего на плите чайника. Он был маленьким и пузатым, на белом керамическом боку красовался узор из цветов, названия которых

Максим не знал, да и сомневался, что они не выдуманы. Насыпав в него свежей заварки и долив горячей воды, Максим открыл холодильник и понял, что кружку доставать ещё ой, как рано.

Освещаемый единственной несгоревшей лампочкой, на Максима грустно смотрел почерневший от времени кочан капусты. Он остался единственным обитателем этой тесной и холодной камеры. В надежде переведя взгляд на полку для яиц, Максима и тут ждало разочарование: яйца были, но нарисованные на пачке майонеза, изрядно похудевшей за полгода пребывания здесь.

Не выдержав тоскливого взгляда несъеденной и словно предвидевшей свой печальный конец капусты, Максим вздохнул и закрыл дверцу.

В хлебнице тоже было пусто, если не считать завтраком плохо накрытый черствеющий хлеб и парочку завалявшихся в углу кружочков печенья «Мария». Выглядели они аппетитно, но рисковать зубами Максим не стал, ведь он не помнил, покупал ли он его вообще.

Пожалев в очередной раз о переезде с родительской квартиры, Максим посмотрел в окно, надеясь, что пока он рассматривал пустые полки холодильника, дождь закончился. Но нет, осень продолжала рыдать, затянув небо свинцовым одеялом из облаков. Вдобавок усилился ветер, и Максим слышал его яростные завывания через решётку вентиляции.

Но желудку было все равно, он требовал завтрак, и снова

вздыхнув, Максим (или как его нежно называла мама — Сима), поплёлся в прихожую.

Зонта у него не было, но была непромокаемая куртка с капюшоном. Накинув его и завязав уже в квартире, Сима обулся и открыв входную дверь, вышел. Затем подъезд сотряс его раздраженный собственной глупостью вопль, и Максим зашёл обратно. Он забыл ключи.

Не снимая обуви, на цыпочках (так меньше грязи), Сима протанцевал в комнату, где на кресле лежала, сваленная «хоть бы как», половина его гардероба. Выудив из неё рабочие штаны (им было не место здесь, но после вчерашней смены измотанному Максиму было все равно), Сима достал из них ключи и так же на носочках, словно балерина, вернулся к двери.

Выйдя на улицу, Максим долго не решался выйти из-под козырька подъезда. Но чем дольше он стоял, тем холоднее ему становилось, домашнее тепло выветрилось быстро, а руки отказывались согреваться даже в карманах.

Глубокий вдох — и подобно пуле, заскучавшей в патроннике, Максим полетел через двор к магазину, благо он был недалеко.

Магазин был пуст в это время и работники его, вынужденные имитировать бурную деятельность под камерами, с скучающим видом поправляли и без того ровные ряды товаров на полках. Заметив вбежавшего Максима, мокрого и тут же измазавшего вымытый пол грязными следами своих бо-

тинок, одна из кассиров кисло поморщилась и отправилась за ним (не воришка ли?). Однако дойдя с ним до кондитерского отдела, отвлеклась на кучку подростков, вошедших с подозрительно невинными лицами, и отстала.

Сима же её вообще не заметил, сосредоточившись на выборе чего-нибудь к чаю. Стеллажи ломились от печенья, конфет и различных десертов, от чего серо-голубые глаза Максима разбежались в разные стороны. Но голодное сосание под ложечкой заставило их собраться вместе и остановиться на пачке зефира в шоколаде, кокетливо выглядывающей с верхней полки. Сима был весьма высоким молодым человеком и достал её без проблем, после чего направился к кассе.

А там царил драма. Кассир, молодая девушка с отпечатком несбывшихся надежд на лице громко и зло отчитывала одного из подростков, судя по крикам, пытавшегося пронести пачку чипсов в кармане. Школьник (лет одиннадцати, не больше) стоял с плачущим лицом, глядя через окно на успешных выбежать приятелей, которые показывали на неудачливого вора пальцами и хохотали. Наконец, не выдержав обиды и позора, мальчик не выдержал и слезы побежали по щекам, капая с подбородка на воротник куртки.

Видя это, продавец смягчилась. Угрозы вызвать полицию, спецназ и родителей прекратились, и отобрав злополучную упаковку, она ограничилась лишь предупреждением, грозно скрестив густые брови:

— Ещё раз увижу, точно в обезьянник поедешь, понял ме-

ня!?

Мальчик тут же испуганно закивал, как болванчик, не веря в такое счастье.

— Ну все, брысь отсюда! — Махнув на него рукой, де-вушка повернулась к Максиму, стоявшему у кассы с самым несчастным и голодным выражением лица. Школьника и след простыл.

— У вас по карте или наличными!? — Кассир рявкнула на Максима, ещё не отойдя от встречи с маленьким воришкой, но спохватилась и, покраснев, смущённо добавила: — ой, извините. Достали эти школьники. А потом премии лишают, понимаете?

— Понимаю.. — Максим не понял, но спорить не стал, молча наблюдая за последним этапом жизни зефира в магазине. Наконец покупка была совершена, и Максим поспешил домой.

На улице светило солнце, дождь закончился, и Сима снял капюшон, открывая вспотевшие уши ослабевшему и ставшему почти приятным, ветру. Но шаг сбавлять не стал, желудок кричал все громче, напоминая, что чайник наверняка уже остыл.

Дойдя до детской площадки, стоявшей в центре двора, Максим краем глаза заметил движение сзади и обернулся, не снижая ходу.

На качелях кто-то сидел. Не просто сидел, а махал Максиму рукой, как старому знакомому. Сима повернулся об-

ратно, ожидая увидеть адресата этого приветствия, но людей рядом не было. Как не оказалось и машущего человека, когда Максим оглянулся. Это было так странно (страшно), что будучи даже голодным и промокшим, он остановился, как вкопанный, не мигая уставившись на продолжающие мерно раскачиваться качели.

Рядом с качелями стояла кошка. Явно домашняя, но на самовыгуле, с гладкой, ухоженной серебристой шерстью, блестящей на вышедшем солнце. Она облизывала лапу и удивлённо смотрела на ошарашенного Максима, нервно мявшего в руках зефир, шоколад у которого начал таять от такой наглости.

«Но это же не кошка была, а человек! Или кошка?» Максим засомневался. В любом случае, больше ему никто не махал и он пошёл дальше. Подойдя к подъезду и достав ключи от домофона, он оглянулся ещё раз, но все было чисто. Даже кошка перестала умываться и убежала по своим кошачьим делам.

Зефир, хоть и весь смятый и разломанный, оказался очень вкусным, особенно когда последней едой были дешёвые пельмени больше двенадцати часов назад. Желудок успокоился, а вместе с ним был доволен и Сима, чьи губы и пальцы были измазаны шоколадом, а пальцы второй руки с наслаждением гладили тёплый бок заполненной чаем стеклянной кружки.

Закончив с завтраком и допив чай, Максим сыто потянулся и облокотился на спинку стула. Веки потяжелели, а вновь заморосивший дождь и тишина убаюкивали: захотелось спать. Выбросив пустую упаковку и помыв кружку (Максима с детства воспитывали не копить грязную посуду), он отправился в спальню, она же гостиная, она же единственная комната в квартире.

Матрас на незаправленной утром кровати все ещё сохранял форму его спящего тела, огромной вмятиной приглашая в своё мягкое нутро. Матрас был куплен сразу после переезда, на оставшиеся после покупки квартиры деньги, и по сути был огромным куском поролона, накрытым простыней. Но Максим, несмотря на недовольство его матери, требующей сменить его, затягивал с этим, так как уже привык к его вязкой, словно клей, текстуре, затягивающей в себя подобно болоту.

И в это уютное болото Максим с удовольствием нырнул, накрывшись тёплым шерстяным пледом с изображением льва, своими глазами накрывшего голову Симы.

Под шум дождя и шелестящей от ветра листвы деревьев за окном, Максим уснул довольно быстро. Так же быстро пришли и сны, сумбурные и бессмысленные. Сначала снилась его работа на консервном заводе, где его начальник, почему-то в клоунском парике и носом - кнопкой за что-то его отчитывал, брызжа оранжевой слюной. Максим не слышал его, это было немое кино, но понял, что он сделал что-то

нехорошее. Его коллеги же, в таких же клоунских нарядах и туфлях - лодочках, стояли за спиной шефа и с злорадными ухмылками тыкали в него пальцами в белых латексных перчатках.

Лев дёрнулся, глаза его сползли на вспотевшую шею.

Затем появился его пёс, Чарли, джек-рассел-терьер, умерший в прошлом году. Ему было всего пять лет, но пьяному водителю, заехавшему на тротуар, было все равно. Сима, который впервые выпустил собаку с поводка, до сих пор ненавидел себя за это решение, ведь если бы он был рядом, неуправляемая машина пронеслась мимо них.

Чарли ничего не говорил, не тыкал обвиняюще лапой, лишь ласково смотрел на хозяина, его наивные карие глаза и радостно свешенный язык выражали безграничную любовь и преданность.

Кто-то испугал Чарли, он с тревогой повернулся и не прощавшись, убежал в бесконечную темноту.

Сцена сменилась. Теперь Сима видел лицо своего лечащего врача, который почему-то бешено дёргал рукой, указательный палец которой показывал на большие круглые часы, висевшие на стене. Максим переводил взгляд с часов на доктора и обратно, пока тот, не вытерпев, не заорал, надув до предела мясистые щеки:

— Время! Время! Время!

Потом он медленно перевёл взгляд с растерянных глаз Максима на белеющий кафельной плиткой пол. На нем, кап-

ля за каплей, появлялась кровь.

Глаза Максима резко открылись в ужасе прозрения, и льва рывком сбросило с кровати. Максим посмотрел на подушку, превратившейся из ослепительно белой в мокрую и алую от неторопливо сочащейся из носа крови.

Увиденное заставило его поверить в то, что сон закончился, и Сима выскочил из мягкого плена и побежал на кухню. Там, на кухонном столе стояла коробка с надписью, аккуратно выведенной маминой рукой: «Лекарство Максима. Не забудь, каждое утро!» И три сердечка.

Распахнув коробку, трясущейся от спазма рукой Сима достал одну из ампул, испачкав её и не думавшей останавливаться кровью, затем из соседнего отсека достал упаковку со шприцем и зубами открыл её. На ней остались отметины: зубы тоже начали кровоточить. Уже не боясь порезаться, Максим подушечкой большого пальца отломил хрупкое навершие ампулы и боясь промахнуться, залил её содержимое в шприц. Кое-как вставив немеющими пальцами иглу, воткнул её в вену, пульсирующую паникой. Хотя кровь и текла нескончаемым водопадом, медленно, но неумолимо заливая старый ламинат, движение Максима было уверенным, отработанным за многие годы, и промахнуться он не мог.

Поморщившись окровавленным носом от любопытства проникшей в вену иглы, Максим большим пальцем надавил на поршень шприца, вливая в себя спасительную жидкость. Ваты под рукой не было, и он просто с силой сжал руку в лок-

те, откинув в сторону ставший бесполезным инструмент. Затем медленно опустился на пол рядом с лужицей собственной крови и и обессиленно облокотился взмокшей спиной о ножку стола. Оставалось ждать.

Он не знал, сколько времени прошло, часов у него не было, но по посветлевшей стене напротив окна понял, что довольно долго. Кровь уже почти не текла, а лишь как сломанный кран иногда покапывала на домашние штаны. Лекарство помогло.

Дождавшись, пока она прекратится совсем, Максим ещё некоторое время посидел на полу, наблюдая, как засыхает его лужица, из алой превращаясь в багровую.

Но встать все же пришлось и Максим, кряхтя и придерживаясь за поясницу, отправился в ванную. Выкрутив холодную воду на максимум, он сложил ладони лодочкой и набрав её, выплеснул себе на лицо, одновременно протирая его. Умывшись, Сима посмотрел в зеркало, висевшее над ванной.

На него смотрел бледный и очень худой молодой человек лет двадцати пяти, с высоким лбом и густыми бровями, с которых стекала вода с остатками крови. Глаза, окружённые тёмным ореолом, самокритично смотрели на недавно появившиеся залысины светло-русых волос, взъерошенных и торчащих в разные стороны после недавнего сна. Пригладив их влажной рукой, Сима осмотрел себя (нет ли синяков) и отправился за шваброй. Настало время уборки.

Закончив и с ней, Сима посмотрел на часы, мигающие с

экрана домашнего телефона. Они показывали два часа дня.

«Опять в магазин», подумал Максим, почему-то никогда не закупавшийся впрок. Готовить не хотелось совершенно, он ещё чувствовал слабость после приступа. Но был один беспроектный вариант.

— Алло!

— Привет, мам. На работе?

— Привет, Сим. Да, а чего? А ты разве нет?

— Так я же говорил, что в отпуск с понедельника.. — Сказал Максим нарочно укоризненно, хотя только что вспомнил, что он этого не говорил. Но на сей раз повезло.

— Да? А я не помню.. Ну да ладно. Как дела? Здоровье как? Лекарство колешь? — Лёгкую растерянность в голосе сменила материнская озабоченность.

— Да, все нормально, а ты как? Как работа? — Сима вновь солгал, но получилось удивительно легко, голос даже не дрогнул.

— Да всё так же. Сегодня заказов почти нет, сижу вот, скучаю.. — Мама Симы работала в швейном ателье. — Что-то случилось или так, поздороваться звонишь?

— Ты вчера готовила? Просто спрашиваю, вдруг.. — Максим почувствовал себя неловко. Обедать мать он не хотел.

— Готовила, да... А чего, прийти хочешь? Так приходи, конечно. Котлеты доедай, там еще рис остался...

— Ну я в твою сторону собирался идти, может, зайду, но

не уверен пока.

— ... Там ещё печенье есть, но ему недели две, можешь рискнуть, если хочешь. Ах, да, в ящике ещё конфеты лежат в коробке, мне подарили, но можешь взять, сколько съешь.

— Наталья Владимировна (мама Ната) словно не слышала сына, продолжая перечислять все продукты, которые было не жалко. Ей было не жалко ничего.

— Ладно, мам, посмотрим. Может, вообще не зайду, как получится... — Сима не хотел спорить с матерью, но уже слышал звук микроволновки, разогревающей котлеты.

— Ну ты уж постарайся зайти! О, Сим, клиент пришёл, я пошла! Зайди обязательно и поешь, мне можешь не оставлять! — И вызов сбросился.

Но Максим не обиделся. Так уж у них было принято.

Когда Сима пришёл на автобусную остановку (в этот раз он не медлил), яркое, но не греющее солнце уже утвердилось в своих правах, разогнав обиженно уплывшие тучи. Ветер тоже утих, и только огромные грязные лужи тёмными провалами чернели в асфальте, напоминая о недавнем дожде.

Несмотря на послеобеденное время, остановка была пустой, лишь голуби гуляли взад-вперед, дожидаясь, пока кто-нибудь их покормит. Поэтому Максиму строила глазки целая стая пернатых попрошайек, громко и требовательно гулькающая. Но у Симы был только его уже опустевший желудок, и быстро поняв это, голуби разочарованно разошлись.

Автобус задерживался, наплевав на расписание, и Сима, простояв больше двадцати минут, начал испытывать раздражение. «Я так и к ужину успею», с горькой усмешкой подумал он.

От нечего делать он уставился на рекламный щит, возвышавшийся неподалёку. На нем красовался яркий шатёр ярмарки, приезжающей раз в год, и белое облачко изо рта усатого, слишком счастливого фермера гласило: «Торопитесь! Скоро конец!». У Максима зачесался нос.

— Давно стоите? — Мрачно задумавшийся Максим, дернувшись, обернулся.

На него смотрела, вопросительно улыбаясь, девушка. Невысокая и полная, она была похожа на тучку в своём сером плаще и с серым же сложенным зонтом, который она крепко держала в пухлой руке. Вот только у тучек не было длинных светлых волос, свободно падающих на круглое лицо и красного, явно простуженного носа. Она была без шапки, и уши соревновались с шмыгающим носом в густоте красок.

— Извините? — Максим откровенно любовался её тёмно-карими, почти чёрными глазами и забыл про первый вопрос. Опомнившись, он промямлил:

— Ну... Да, полчаса где-то..

— Десятка не приходила? — Заметив нерешительность собеседника, девушка улыбнулась ещё шире, чуть обнажив ряд ровных, белых зубов.

— Нет, вот она как раз и не приходила. Я её и жду. — Сима перестал пялиться на незнакомку и посмотрел в сторону, откуда должен был появиться автобус.

— Поняла вас. Спасибо! — и девушка отошла в сторону, на прощание хлопнув носом. Максим кивнул и снова посмотрел на плакат. Там была все та же угроза.

Оглянувшись на остановку, Сима заметил, что незнакомка сидит на скамейке под козырьком, положив зонт на колени и пристально разглядывает свои ногти. Захотелось подойти, но Сима был воспитанным молодым человеком, и боялся показаться навязчивым.

Тем более из-за поворота наконец выполз автобус и, громко урча железным нутром, медленно, но верно приближался к остановке.

«Десятка. Ну надо же, приехал», подумал Максим и подошёл к краю посадочной платформы, встречая долгожданный транспорт.

Остановившись, автобус со зловещим скрипом несмазанных петель открыл двери и выплюнул пассажиров из своего железного брюха. Видимо, долго ждал не только Максим, людей было много. Выйдя, они сразу же деловито разбежались в разные стороны, как муравьи. Дожидаясь, пока все выйдут, Сима снова взглянул на остановку. Девушка все так же сидела, задумчиво рассматривая ногти на другой руке, словно передумала ехать.

Но Максим ехать не передумал, и после того, как послед-

ний выходящий покинул автобус, зашёл в резко опустевший салон. Заняв место у окна напротив остановки, Сима приготовился проводить взглядом незнакомку, пока автобус не уехал.

Но ее уже там не было.

— Можно с вами рядом присесть? — Сима, не заметивший, что она шла за ним («я ведь один стоял!»), испуганно поднял глаза. Девушка стояла рядом и жестом показывала на соседнее с Максимом место.

— Конечно, зачем спрашиваете. — Сима был совсем не против, но мельком оглянув салон, с удивлением обнаружил, что все места были заняты.

— Может, вы хотите один посидеть, кто ж вас знает.. — Пожав плечами, девушка села рядом с Симой. Волосы послушно легли на спинку сиденья, а зонт занял стойку между коленей, глядя на Максима деревянной рукоятью.

Сима, не зная, что сказать (а может, и не стоило ничего говорить), приклеился взглядом к окну. Незнакомка молчала, глядя вперёд, то и дело протирая сопливый нос платочком.

Автобус тронулся. Мимо медленно поплыл осенний город. Деревья уже лишились листвы, и сиротливо смотрели на небо дрожащими от холода голыми ветвями. Однотипные панельные дома, и без того душившие серостью и унынием, осенью выглядели ещё более тоскливо, даже сейчас, когда солнце безраздельно правило на небосводе. Погрузившись в

свои мысли, которые он не рассказал бы даже (тем более) маме, Максим забыл про сидящую рядом девушку, прилипнув лбом к холодному стеклу.

В тишине, нарушаемой лишь мерным гулом двигателя и голосом кондуктора, собирающего плату с вновь заходящих пассажиров, они проехали три остановки. На четвёртой Максиму нужно было выходить и он выпрямился, собираясь вежливо попросить девушку пропустить его. Она же так и сидела, вцепившись остекленевшим взглядом в кабину водителя, прямая, как струна, мёртвой хваткой сжимавшая ручку зонта. Он выглядела настолько неживой, что Сима забеспокоился (не припадок ли?).

— Девушка? Девушкаа? — пропел ей Максим почти нежно, но достаточно громко, чтобы остальные пассажиры начали оглядываться: — у вас все хорошо??

Та вздрогнула и перевела на Максима непонимающий, отстраненный взор. Но быстро собравшись, ответила:

— А, да, простите, задумалась.. Вы выйти хотите? — Она встала, пропуская Максима, — пожалуйста!

Сима, с тревогой бросив на неё взгляд, прошёл мимо и направился к выходу. Прежде чем автобус подъехал к остановке, Максим ещё раз глянул на девушку. Она, перебравшись на его место у окна, внимательно, с слегка ироничной улыбкой смотрела на Симу.

Тот, смутившись, отвернулся.

Двери открылись и Максим уже занёс ногу над ступень-

кой, как знакомый голос негромко догнал его в спину:

— Зефир-то вкусный был?

Максим споткнулся. Едва не упав на мокрый асфальт, он вылетел из автобуса под язвительное замечание выходящего следом мужчины: — Чего под ноги не смотришь, ворона?

Но Максим не обратил на него внимания. Он в замешательстве посмотрел на окно, где сидела девушка-тучка. Она, будто ожидая этого, с озорным блеском в глазах подмигнула ему и отвернулась.

Автобус, набрав пассажиров, начал отъезжать от остановки.

А Максим все так же ошеломленно стоял на месте, сжимая в руке мятый проездной билет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.